

УИЛЪЯМ ФОЛКНЕР

СВЯТИЛИЩЕ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ф75

Серия «Эксклюзивная классика»

William Faulkner
SANCTUARY

Перевод с английского *Д. Вознякевича*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается с разрешения издательства Modern Library,
an imprint of Random House, a division of Penguin Random
House LLC.

Фолкнер, Уильям.

Ф75 Святилище : [роман] / Уильям Фолкнер ; [перевод с английского Д. Вознякевича]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 320 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-166619-4

«Святилище» — роман, который вызвал настоящий литературный скандал. Одни критики называли его «греческой трагедией с детективным сюжетом», а другие обвиняли в аморальности и непристойности. Наглый и отчаянный парень из низов — и скупающая красавица-аристократка, ставшая его жертвой. Представитель «старой школы» честных адвокатов — и нервный юный интеллектуал, ищущий истину в вине. Все эти герои расставлены Фолкнером, словно фигурки на шахматной доске, которым предстоит сыграть партию в сложной и жестокой игре под названием «жизнь»...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© William Faulkner, 1931
© Перевод Д. Вознякевич,
наследники, 2021
© Издание на русском языке.
AST Publishers, 2024

ISBN 978-5-17-166619-4

I

Притаясь за кустами у родника, Лупоглазый наблюдал, как человек пьет. От шоссе к роднику вела еле заметная тропинка. Лупоглазый видел, как он — высокий, худощавый мужчина без шляпы, в поношенных брюках из серой фланели, с переброшенным через руку твидовым пиджаком — сошел по ней, опустился у родника на колени и стал пить.

Родник бил из-под корней бука и растекался по извилистому песчаному ложу. Его окружали густые заросли тростника и шиповника, кипарисов и эвкалиптов, сквозь них пробивались лучи невидимого солнца. Притаившаяся где-то рядом птичка прощебетала три раза и смолкла.

Пришедший пил, касаясь лицом своих бесчисленных дробящихся отражений. А когда оторвался, заметил среди них колеблющееся отражение шляпы Лупоглазого, хотя перед этим не слышал ни звука.

Подняв голову, он увидел невысокого человека, держащего руки в карманах пиджака, с губы его косо свисала сигарета. На нем был черный костюм с тесным, приталенным пиджаком. Штiblеты и подвернутые брюки были заляпаны грязью. Лицо у него было странного бескровного оттенка,

словно освещенное электрической лампой; в солнечной тишине эта фигура с заломленной набок шляпой и чуть оттопыренными локтями казалась плоской, словно бы отштампованной из жести.

Позади него птичка запела опять, снова прощепетала три раза: незамысловатый, проникновенный звук раздался в мирной, безмятежной тишине, тут же воцарившейся вновь, словно бы оградив это место от всего мира, но вдруг ее нарушил рокот автомобиля, который пронесся по шоссе и затих вдали.

Пришедший стоял у родника на коленях.

— В кармане у вас, очевидно, пистолет, — сказал он.

Лупоглазый разглядывал его словно бы двумя верными кнопками из мягкой резины.

— Спрашиваю я, — сказал Лупоглазый. — Что там у тебя в кармане?

Из карманов переброшенного через руку пиджака выглядывали смятая фетровая шляпа и книга. Пришедший потянулся к нему.

— В котором?

— Не показывай, — сказал Лупоглазый. — Скажи так.

Рука пришедшего замерла.

— Там книга.

— Что за книга?

— Обыкновенная. Из тех, что читают люди. Некоторые.

— Ты читаешь книги? — удивился Лупоглазый.

Пришедший так и держал руку над пиджаком. Лупоглазый и он глядели друг на друга через род-

ник. Перед лицом Лупоглазого вился дымок сигареты, от дыма одна сторона его лица скривилась, и оно казалось маской, вырезанной с двумя выражениями сразу.

Достав из кармана брюк грязный носовой платок, Лупоглазый прикрыл им задники штиблет и присел на корточки, не спуская глаз с пришедшего. Было около четырех часов майского дня. Так, глядя друг на друга, они просидели два часа. Птичка на болоте то и дело принималась щебетать, словно по расписанию; еще два невидимых оттуда автомобиля пронеслись по шоссе и затихли вдали. Птичка защебетала снова.

— И конечно же, вам невдомек, как она называется, — сказал пришедший. — Очевидно, вы совсем не знаете птиц, кроме тех, что поют в клетках по вестибюлям гостиниц или подаются на блюдах по цене четыре доллара.

Лупоглазый не ответил. Он сидел на корточках в тесном черном костюме, разминая маленькими ручками сигареты и сплевывая в родник, правый карман его пиджака тяжело отвисал. Кожа отливала мертвенной бледностью. Нос был с легкой горбинкой, а подбородок отсутствовал вовсе. Лицо казалось деформированным, будто у восковой куклы, брошенной возле жаркого огня. По жилету паутинкой тянулась платиновая цепочка.

— Послушайте, — сказал пришедший. — Меня зовут Хорес Бенбоу. Я адвокат из Кинстона. Раньше я жил в Джефферсоне и сейчас направляюсь туда. В этих местах любой скажет вам, что человек я безобидный. Если дело тут в самогонном виски,

то мне плевать, сколько вы его производите, или продаете, или покупаете. Я просто остановился попить воды. Все, что мне нужно, — это добраться до города, до Джефферсона.

Глаза Лупоглазого походили на резиновые кнопки, казалось, стоит нажать на них — и они скроются, а потом появятся снова с узорчатым отпечатком большого пальца.

— Мне надо попасть в Джефферсон дотемна, — сказал Бенбоу. — Нельзя же меня так задерживать.

Не вынимая изо рта сигареты, Лупоглазый сплюнул в родник.

— Нельзя же меня так задерживать, — повторил Бенбоу. — А если я вскочу и побегу?

Лупоглазый уставился на него своими кнопками.

— Хочешь убежать?

— Нет, — сказал Бенбоу.

Лупоглазый отвернулся.

— Ну так и не надо.

Бенбоу снова услышал щебетанье птички и попытался вспомнить ее местное название. По невидимому шоссе проехал еще один автомобиль и затих вдаль. Лупоглазый вынул из кармана брюк дешевые часики, поглядел на них и небрежно, словно монету, сунул опять в карман.

Тропинка, идущая от родника, упиралась в песчаный проселок; поперек дороги, преграждая ее, лежало недавно срубленное дерево. Лупоглазый и Бенбоу перешагнули через него и пошли дальше, все удаляясь от шоссе. По песку тянулись две неглубокие параллельные колеи, но следов копыт не было. Там, где стекающая от родника вода впи-

тывалась в песок, Бенбоу заметил отпечатки автомобильных шин. Лупоглазый шел впереди, его тесный костюм и жесткая шляпа состояли из одних углов, словно модернистский торшер.

Песок кончился. Дорога вышла из зарослей и, круто поворачивая, пошла вверх. Лупоглазый резко обернулся.

— Прибавь шагу, Джек.

— Чего же мы не пошли напрямик через холм? — спросил Бенбоу.

— По этому лесу? — сказал Лупоглазый. Шляпа тускло, зловеще блеснула в сумерках, когда он бросил торопливый взгляд вниз, где заросли уже походили на чернильное озеро. — Ну его к черту.

Уже почти стемнело. Лупоглазый замедлил шаг. Теперь он шел рядом с Бенбоу, и Бенбоу видел, как дергается из стороны в сторону его шляпа, потому что Лупоглазый непрерывно озирался с каким-то злобным страхом. Шляпа едва доставала Бенбоу до подбородка.

Вдруг из темноты бесшумно возникла какая-то тень, устремилась к ним на упругих, оперенных крыльях и пролетела мимо, обдав их лица воздушной волной; Бенбоу ощутил, как Лупоглазый всем телом прижался к нему и вцепился руками в пиджак.

— Это сова, — сказал Бенбоу. — Просто-напросто сова. — Потом добавил: — А того королевского вьюрка называют рыболовом. Да-да. Там я не мог этого припомнить.

Тем временем прижавшийся к нему Лупоглазый хватался за карман и шипел, словно кот. Он пахнет чернотой, подумал Бенбоу, той черной жидкостью,

что хлынула изо рта мадам Бовари на подвенечное платье, когда ей приподняли голову.

Минуту спустя над черной зубчатой массой деревьев показался на фоне меркнувшего неба мощный, приземистый корпус дома.

Дом представлял собой пустой остов, мрачно и твердо вздымающийся посреди кедровой рощи. Это был своего рода памятник, известный под названием усадьбы Старого Француза, — плантаторский дом, выстроенный еще до Гражданской войны посреди хлопковых полей, садов и газонов, уже давно превратившихся в джунгли; окрестные жители в течение пятидесяти лет растаскивали его на дрова и рыли землю с возникавшей то и дело тайной надеждой в поисках золота, по слухам закопанного хозяином где-то в усадьбе, когда в дни Вискбергской кампании генерал Грант проходил через округ.

На стульях в углу веранды сидели три человека. Из глубины открытого коридора виднелся яркий свет. Коридор тянулся через весь дом. Лупоглазый поднялся по ступенькам, сидящие уставились на него и на спутника.

— Это профессор, — бросил им на ходу Лупоглазый и свернул в коридор.

Не останавливаясь, он прошагал по задней веранде и вошел в комнату, где горел свет. То была кухня. У плиты стояла женщина в линялом ситцевом платье и грубых мужских башмаках на босу ногу, незашнурованных и шлепающих при ходьбе. Она взглянула на Лупоглазого, потом снова повернулась к плите, где шипела сковородка с мясом.

Лупоглазый встал у двери. Косо надвинутая шляпа прикрывала его лицо. Не вынимая пачки, он достал из кармана сигареты, сунул в рот и чиркнул спичкой о ноготь большого пальца.

— Там гость, — сказал он.

Женщина не обернулась. Она переворачивала мясо.

— А мне-то что? — ответила она. — Я не обслуживаю клиентов Ли.

— Это профессор, — сказал Лупоглазый.

Женщина обернулась, железная вилка замерла в ее руке.

— Кто?

— Профессор, — повторил Лупоглазый. — У него при себе книга.

— Что ему здесь надо?

— Не знаю. Не спрашивал. Может, будет читать свою книгу.

— Он пришел сюда?

— Я встретил его возле родника.

— Он искал этот дом?

— Не знаю, — ответил Лупоглазый. — Не спрашивал.

Женщина все глядела на него.

— Я отправлю его на грузовике в Джефферсон, — сказал Лупоглазый. — Он говорит, ему нужно туда.

— Ну а я тут при чем? — спросила женщина.

— Ты стряпаешь. Ему надо поесть.

— Да, — сказала женщина и снова повернулась к плите. — Я стряпаю. Для мошенников, пьяниц и дураков. Да. Стряпаю.

Лупоглазый, стоя в двери, глядел на женщину, у его лица вился дымок сигареты. Руки он держал в карманах.

— Можешь бросить. Отвезу тебя в воскресенье обратно в Мемфис. Иди опять на панель. — Он оглядел ее спину. — А ты здесь толстеешь. Отдохнула на вольном воздухе. Я не стану рассказывать об этом на Мануэль-стрит.

Женщина обернулась, сжимая вилку.

— Сволочь.

— Не бойся, — сказал Лупоглазый. — Я не расскажу, что Руби Ламар живет в этой дыре, донашивает башмаки Ли Гудвина и сама рубит дрова. Нет. Я скажу, что Ли Гудвин — крупный богач.

— Сволочь, — повторила женщина. — Сволочь.

— Не бойся, — сказал Лупоглазый. И оглянулся.

На веранде послышалось какое-то шлепанье, потом вошел человек. Сутулый, в старом комбинезоне. Обуви на нем не было; они только что слышали шаги его босых ног. Голову его покрывала копна выгоревших волос, спутанных и грязных. У него были пронзительные светлые глаза и мягкая, грязно-золотистого цвета борода.

— Будь я пес, если это не шпик, — сказал он.

— Тебе что нужно? — спросила женщина.

Человек в комбинезоне не ответил. Проходя мимо, бросил на Лупоглазого скрытный и вместе с тем восторженный взгляд, будто готовился рассмеяться шутке и выжидал подходящего мига. Пройдя через кухню неуклюжей, медвежьей походкой, по-прежнему с радостной, веселой скрытностью, хотя находился прямо на виду, приподнял

незакрепленную половицу и достал из-под нее галлоновый кувшин. Лупоглазый глядел на него, заложив указательные пальцы в проймы жилета, вдоль его лица от сигареты (он выкурил ее, ни разу не прикоснувшись к ней) вился дымок. Взгляд был жестким, даже скорее злобным; он молча смотрел, как человек в комбинезоне с какой-то веселой робостью идет обратно; кувшин был неловко спрятан у него под одеждой; на Лупоглазого он глядел с той же восторженной готовностью рассмеяться, пока не вышел из кухни. На веранде снова слышались шаги его босых ног.

— Не бойся, — сказал Лупоглазый. — Я не расскажу на Мануэль-стрит, что Руби Ламар стряпает еще для болвана и дурачка.

— Сволочь, — сказала женщина. — Сволочь.

II

Когда женщина вошла с блюдом мяса в столовую, Лупоглазый, тот человек, что принес кувшин, и незнакомец уже сидели за столом из трех неструганных, приколоченных к козлам досок. Стоящая на столе лампа осветила угрюмое, нестарое лицо женщины; глаза ее глядели холодно. Бенбоу, наблюдая за ней, не заметил единственного взгляда, который она бросила на него, ставя блюдо, потом чуть постояла с тем непроницаемым видом, какой появляется у женщин, когда они напоследок оглядывают стол, отошла, нагнулась над открытым ящиком в углу, достала оттуда еще тарелку, вилку, ножик и каким-то резким, однако неторопливым

завершающим движением положила перед Бенбоу, ее рукав легко скользнул по его плечу.

Тут вошел Гудвин, одетый в застиранный комбинезон. Нижняя часть его худощавого обветренного лица обросла черной щетиной, волосы на висках поседели. Он вел за руку старика с длинной белой бородой, покрытой возле рта пятнами. Бенбоу видел, как Гудвин усаживал его на стул, старик сел послушно, с тем робким и жалким рвением человека, у которого осталось в жизни лишь одно удовольствие и который связан с миром лишь одним чувством, потому что глух и слеп: на мясистом розовом лице этого коротышки с лысым черепом виднелись, словно два сгустка мокроты, пораженные катарактой глаза. Бенбоу видел, как он достал из кармана грязную тряпку, сплюнул в нее уже почти бесцветный комок табачной жвачки, свернул и сунул опять в карман. Женщина положила ему на тарелку еды. Остальные уже ели, молча, неторопливо, но старик сидел, склонясь над тарелкой, борода его чуть подрагивала. Неуверенной, дрожащей рукой он нащупал тарелку, отыскал небольшой кусочек мяса и сосал его, пока женщина, подойдя, не ударила его по руке. Тогда он положил мясо, и Бенбоу видел, как она резала ему еду: мясо, хлеб и все остальное, — а затем полила соусом. Бенбоу отвернулся. Когда все было съедено, Гудвин снова увел старика. Бенбоу видел, как они вышли в дверь, и слышал их шаги в коридоре.

Мужчины вернулись на веранду. Женщина убрала со стола и отнесла посуду на кухню. Поставив ее на кухонный стол, подошла к ящику за печью, по-

стояла над ним. Потом вернулась к столу, положила себе на тарелку еды, поела, прикурила от лампы сигарету, вымыла посуду и убрала. Покончив с этим, вышла в коридор. На веранду она не показывалась. Прислушивалась, стоя в дверях, к тому, о чем они говорят, о чем говорит незнакомец, и к глухому, негромкому стуку переходящего из рук в руки кувшина. «Дурачок, — сказала женщина. — Чего он хочет...» Прислушалась к голосу незнакомца: какой-то странный, торопливый голос человека, которому позволялось много говорить и мало чего другого.

— Пить, во всяком случае, — нет, — сказала женщина, неподвижно стоя в дверях. — Ему лучше бы находиться там, где домашние смогут о нем позаботиться.

Она прислушалась к его словам.

— Из своего окна я видел виноградную беседку, а зимой еще и гамак. Вот почему мы знаем, что природа — «она»; благодаря этому стовору между женской плотью и женским временем года. Каждой весной я вновь и вновь наблюдал брожение старых дрожжей, скрывающее гамак, заключенное в зелени предвестие беспокойства. Вот что такое цветущие лозы. Ничего особенного: неистово и мягко распускаются не столько цветы, сколько листья, все плотнее и плотнее укрывающие гамак до тех пор, пока в конце мая и сам голос ее — Маленькой Белл — не уподоблялся шороху диких лоз. Она никогда не говорила: «Хорес, это Луис, или Пол, или кто-то там еще», а «Это всего-навсего Хорес». Всего-навсего — понимаете; сумерки, белеет ее платице, и сами они — воплощенная скром-

ность, хотя обоим не терпится остаться вдвоем. А я не мог бы относиться к ней бережнее, даже будь она мне родной дочерью.

И вот сегодня утром — нет, четыре дня назад; из колледжа она вернулась в четверг, а сегодня вторник — я сказал: «Голубка, если ты познакомилась с ним в поезде, он, видимо, служит в железнодорожной компании. Отнимать его у компании нельзя: это так же противозаконно, как снимать изоляторы с телефонных столбов».

— Он ничем не хуже тебя. Он учится в Тюлейне*.

— Голубка, но в поезде... — сказал я.

— Кое с кем я знакомилась и в худших местах.

— Знаю, — ответил я. — И я тоже. Но знаешь, не приводи их домой. Перешагни и ступай дальше. Не марай туфель.

Мы сидели в гостиной; перед самым обедом; только я и она. Белл ушла в город.

— А тебе-то что до моих гостей. Ты же не отец мне. Ты всего-навсего... всего-навсего...

— Кто? — спросил я. — Всего-навсего кто?

— Ну, донеси матери! Донеси! Чего еще ждать от тебя? Донеси!

— Голубка, но в поезде, — сказал я. — Приди он к тебе в гостиничный номер, я бы его убил. Но в поезде — мне это противно. Давай прогоним его и начнем все сначала.

— Ты только и годен говорить о знакомствах в поезде! Только на это и годен! Ничтожество! Кроватька!

* Университет в Новом Орлеане.

— Ненормальный, — сказала женщина, неподвижно стоя в дверях. Незнакомец продолжал заплетающимся языком быстро и многословно:

— Потом она заговорила: «Нет! Нет!», и я обнял ее, а она прижалась ко мне. «Я не хотела! Хорес! Хорес!» И я ощутил запах сорванных цветов, тонкий запах мертвых цветов и слез, а потом увидел в зеркале ее лицо. Позади нее висело зеркало, другое — позади меня, и она разглядывала себя в том, что было позади меня, забыв о другом, где я видел ее лицо, видел, как она с чистейшим лицемерием созерцает мой затылок. Вот почему природа — «она», а Прогресс — «он»; природа создала виноградные беседки, а Прогресс изобрел зеркало.

— Ненормальный, — произнесла женщина, стоя в дверях и слушая.

— Но это еще не все. Я думал, меня расстроила весна или то, что мне сорок три года. Думал, может, все было б хорошо, будь у меня холмик, чтобы немного полежать на нем... Там же земля плоская, богатая, тучная, кажется даже, будто одни лишь ветра порождают из нее деньги. Кажется, никого б не удивило известие, что листья деревьев можно сдавать в банк за наличные. Дельта. Ни единого холмика на пять тысяч квадратных миль, если не считать тех земляных куч, что насыпали индейцы для убежища во время разливов Реки.

И вот я думал, что мне нужен всего-навсего холмик; меня подвигнула уйти не Маленькая Белл. Знаете что?

— Ненормальный, — сказала женщина. — Ли зря позволил...